

МАРИНА ФЕДОРОВНА РУМЯНЦЕВА

кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук  
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»  
(Москва, Российская Федерация)  
ORCID 0000-0003-2448-3417; [m\\_roumiantseva@hse.ru](mailto:m_roumiantseva@hse.ru)

## КОНЦЕПЦИЯ КОГНИТИВНОЙ ИСТОРИИ ОЛЬГИ МИХАЙЛОВНЫ МЕДУШЕВСКОЙ: ИТОГИ / ПЕРСПЕКТИВЫ

**Аннотация.** Анализируется концепция когнитивной истории О. М. Медушевской (1922–2007) в контексте исторической культуры 2010–2020-х годов. Актуальность работы обусловлена необходимостью утверждения концепции истории как строгой науки в условиях ренarrативизации – тренда современной исторической культуры, сопровождающего углублением разрыва исторической науки и социально ориентированного историописания. Новизна работы – в рассмотрении неоклассической модели исторической науки на стыке двух исторических культур, в ситуации резкой трансформации исторической культуры от постмодерна к постпостмодерну. Проблема исследования – определить место концепции когнитивной истории в контексте современной исторической культуры. Цель – эксплицировать факторы недовостребованности концепции когнитивной истории при несомненной актуальности неоклассической модели исторического познания в ситуации преодоления парадигмы постмодерна. Задачи работы – рассмотреть концепцию когнитивной истории в двух ракурсах: как завершение более чем вековой традиции развития феноменологической структурной концепции источниковедения, восходящей к русской версии неокантианства (А. С. Лаппо-Данилевский), и с точки зрения ее дальнейшей перспективы в социальном знании XXI века. Особое внимание уделяется имманентным свойствам базового концепта когнитивной истории «эмпирическая реальность исторического мира», завершающего трансформацию объекта источниковедения от исторического источника через систему видов исторических источников к макрообъекту исторического познания, дающего эмпирическую основу истории как строгой науки. Работа выполнена в методологии когнитивной истории с опорой на феноменологическую концепцию источниковедения историографии и на концепт «историческая культура», сформированный в проблемном поле интеллектуальной истории. В результате исследования выявлены препятствующие распространению теории факторы как в области исторической культуры, так и имманентные самой концепции. Предложены направления дальнейшего развития концепции – корректировка конфигурации ее сопряженности с актуальной исторической культурой, базовым фактором которой является процесс ренarrативизации. Акцентировано внимание на феноменологической составляющей концепта «эмпирическая реальность исторического мира» и на его имманентной структуре, осмысливаемой в источниковедении как проблема классификации исторических источников.

**Ключевые слова:** когнитивная история, эмпирическая реальность исторического мира, макрообъект исторической науки, неоклассическая модель науки, феноменологическая концепция источниковедения, историческая культура, О. М. Медушевская

**Для цитирования:** Румянцева М. Ф. Концепция когнитивной истории Ольги Михайловны Медушевской: итоги / перспективы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 60–66. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.808

### ВВЕДЕНИЕ

6 октября 2022 года – сто лет со дня рождения Ольги Михайловны Медушевской (1922–2007), самобытного ученого, методолога, профессора Историко-архивного института. Я считаю Ольгу Михайловну своим Учителем, однако настоящая статья – не только дань уважения учено-

му, но попытка посмотреть на ее оригинальную концепцию исторического познания в контексте актуальной исторической культуры. Столетие со дня рождения – самодостаточная причина обращения к научному наследию / анализа того, что принято называть «вклад в науку», но суть не в этом, а в том, что концепция когнитивной

истории О. М. Медушевской в социокультурной ситуации 20-х годов XXI века обретает особую актуальность, но парадоксальным образом остается при этом недовостребованной. Можно назвать всего несколько статей, в которых предпринимается попытка осмыслить теорию когнитивной истории, причем преимущественно с социологической точки зрения [10], [11], [12] или с позиции профессиональной этики / значения для профессионального сообщества гуманистариев [14], [15]. Но Ольга Михайловна вполне определенно заявляла: «Когнитивная история – это прежде всего история, поскольку именно эта наука располагает репрезентативным для изучения феномена человека и человеческого мышления макрообъектом» [8: 269]. Однако применение концепции в качестве методологической основы исторического исследования разработано в еще меньшей степени (например, [17]). На мой взгляд, мало осознана необходимость инструментализации применения концепции. Трансформация теории в метод и далее – в методику / инструментарий исследовательской работы историка полностью соответствует подходу самой Медушевской, которая считала (позволю здесь личные воспоминания о разговорах с Ольгой Михайловной), что один из критериев научности концепции – ее способность к передаче в качестве метода, и ссылалась при этом на Э. Гуссерля, его программную статью «Философия как строгая наука» (1911). Отчасти эту задачу мы (содружество авторов, преимущественно принадлежащих к Научно-педагогической школе источниковедения) пытались реализовать в концептуально обновленном учебном пособии «Источниковедение» [1]<sup>1</sup>.

Соответственно, вижу задачу настоящей статьи в том, чтобы попытаться выявить причины этой недовостребованности и обозначить перспективы концепции. Знак слеш использован в заглавии статьи (вопреки традиции), поскольку в современном русском языке, имея статус небуквенного орографического знака, он заменяет одновременно союзы и / или<sup>2</sup>, что, на мой взгляд, максимально точно выражает проблему места концепции когнитивной истории в современной исторической культуре: концепция когнитивной истории О. М. Медушевской – это итог развития феноменологической структурной концепции источниковедения, восходящей к русской версии неокантианства, или концепция исторического познания, выходящая за пределы собственно источниковедения и предлагающая перспективу научного познания в XXI веке? Скорее, все-таки и то, и другое. Постараемся уловить момент этого перехода.

## НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО О. М. МЕДУШЕВСКОЙ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Естественно, в рамках данной статьи я могу обозначить только основные вехи интеллектуальной биографии О. М. Медушевской<sup>3</sup>, но здесь важно синхронизировать ее научное творчество с контекстами исторической культуры второй половины XX – начала XXI века. Медушевская – ученица Александра Игнатьевича Андреева (1887–1959), ученика и последователя Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919), создавшего на эпистемологической основе русской версии неокантианства оригинальную концепцию исторического познания, в основе которой методология источниковедения, опирающаяся на понимание исторического источника как «реализованного продукта человеческой психики...» [3, т. 2: 38]. Эвакуированный из блокадного Ленинграда, А. И. Андреев привнес в Историко-архивный институт концепцию А. С. Лаппо-Данилевского, дальнейшее развитие которой было связано с Научно-педагогической школой источниковедения Историко-архивного института [13]. По работам Медушевской можно проследить все этапы развития Научно-педагогической школы, обнаруживающие тесную, но иногда сложную по своей конфигурации связь с основными трендами развития исторического знания второй половины XX – начала XXI века.

В 1950–1960-е годы Научно-педагогическая школа разрабатывает систему видов исторических источников и видовые методики их анализа. В 1959 году Медушевская публикует лекцию «Воспоминания как источник по истории первой русской революции 1905–1907 гг.»<sup>4</sup>, в 1962 году – учебное пособие «Документы профессиональных союзов как источники по истории советского общества»<sup>5</sup>. Казалось бы, рутинная учебно-методическая работа. Но она полностью вписана в общую разработку структурной концепции источниковедения, трансформирующую источникование из составляющей методологии истории в самостоятельную научную (суб)дисциплину, имеющую собственный объект исследования – систему видов исторических источников. И в этом контексте у работ Ольги Михайловны своя новаторская специфика: обращение к мемуаристике, которая в позитивистских рамках по причине своей субъективности традиционно считалась «третьесортным» источником, а в феноменологической концепции источниковедения проявила свой богатейший информационный ресурс; анализ источников советского времени (что само по себе уже новаторство) и обращение к массовым источникам как к целостному комплексу.

Концептуальный итог этой работе подводит учебное пособие 1998 года «Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории» [2]<sup>6</sup>, где О. М. Медушевская выступила фактическим руководителем проекта и написала разделы по теории, истории и методу источниковедения [2: 19–168]. В то же время она переходит от фундаментальной разработки истории, теории и метода источниковедения к завершению формирования эпистемологической концепции когнитивной истории, которая фиксирует трансформацию источниковедения как (суб)дисциплины исторической науки в научное направление<sup>7</sup>.

Таким образом, движение источниковедения от составляющей методологии истории к (суб)дисциплине исторической науки со своим объектом исследования – системой видов исторических источников и далее – к научному направлению, базирующемуся на разработанном О. М. Медушевской понятии «эмпирическая реальность исторического мира», получило концептуальное воплощение в ее научном творчестве. Научное творчество О. М. Медушевской не просто непосредственно связано со становлением и развитием структурной феноменологической концепции источниковедения в Советском Союзе / России (и на постсоветском пространстве, особенно в Белоруссии и на Украине), но и во многом обусловило / фундировало это развитие, создав ему теоретическую базу.

## КОНЦЕПЦИЯ КОГНИТИВНОЙ ИСТОРИИ: ИТОГИ

Так случилось, что две ключевые работы, во многом подводящие итог разработки О. М. Медушевской структурной феноменологической концепции источниковедения, восходящей к методологии истории А. С. Лаппо-Данилевского, были опубликованы уже после смерти Ольги Михайловны в 2008 [8], [9] и в 2010 [7] годах. В этих работах был сформулирован и обоснован концепт «эмпирическая реальность исторического мира» как основание когнитивной истории и истории как строгой науки.

Двадцатая, юбилейная, конференция кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ (31.01–02.02.2008) была задумана как подводящая промежуточный итог развития Научно-педагогической школой источниковедения триединой системы: вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории. К этой конференции Ольга Михайловна подготовила программный доклад, посмертно опубликованный в материалах конференции. Именно в этом докладе был теоретически разработан концепт «эмпирическая реальность исторического мира» как «макрообъект истории в широком смысле», который «изучается

наукой истории в своем глобальном единстве синхронного функционирования или в его эволюционном развитии в ходе исторического процесса» [9: 24].

Что делает этот концепт прочным фундаментом научной теории? На мой взгляд, его фундированность / связь с имманентным свойством человека, которое О. М. Медушевская определяет как способность объективировать себя вовне и тем самым осуществлять опосредованный информационный обмен:

«Главное отличительное свойство человеческого мышления – способность целенаправленно создавать продукт в виде материального образа и осуществлять опосредованный информационный обмен с себе подобными, что и создает возможность взгляда со стороны и, следовательно, создания собственной истории» [9: 24].

Если искать интеллектуальные истоки (именно истоки, а не источники) этого подхода, то парадоксальным (по крайней мере, для самой Ольги Михайловны) образом мы их обнаружим в антропологической концепции Карла Маркса [5], который видел суть природы человека в опредмечивании себя вовне. Анализируя отчуждение труда как фактор антигуманности капитализма, Маркс выявляет истинную природу человека:

«Практическое созидание *предметного мира*, *переработка* неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного родового существа <...> человек производит даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее <...> именно в переработке предметного мира человек впервые утверждает себя как *родовое существо*» [5: 566].

Экономико-философские рукописи Маркса были введены в научный оборот только в 1932 году (на англ. яз. в 1959 – советское издание и 1961 – издание Э. Фромма), что вызвало всплеск интереса к марксизму у западноевропейских интеллектуалов, особенно на рубеже 1950–1960-х годов, парадоксально – в период расцвета структурной истории (Вернер Конце в Германии, Фернан Бродель, второе поколение Школы «Анналов» во Франции).

Значение именно «концепции человека» в системе марксизма подчеркивал, например, Э. Фромм, впервые издавший ранние произведения Маркса в переводе на английский язык [16]. Э. Фромм писал о том, что Маркс уже в своих ранних произведениях рассматривал ключевое для его теории понятие «труд» как «реализацию человеческой индивидуальности» [16: 394]. Борясь против некорректных / упрощенных интерпретаций концепции К. Маркса, Э. Фромм замечал:

«Для понимания Марковской концепции деятельности очень важно вникнуть в его представления о взаимоотношениях субъекта и объекта. Они находятся в неразрывной связи. Каждая вещь может служить усилению собственных способностей субъекта» [16: 390].

Трудно удержаться, чтобы не провести здесь параллели с концепцией О. М. Медушевской. В итоговом труде «Теория и методология когнитивной истории» [8] она отводит обширную первую главу рассмотрению «феномена человека», в центре рассмотрения – понятия «деятельность» и «интеллектуальный продукт».

Итак, концепт «эмпирическая реальность исторического мира», понимаемый как макрообъект исторического познания и основа истории как строгой науки, логично венчает развитие феноменологической концепции источниковедения. О. М. Медушевская осмыслила объект источниковедения как макрообъект исторического познания, тем самым, подчеркнем еще раз, переведя источниковедение из статуса (суб)дисциплины исторической науки в статус направления исторического познания, что открыло перед ним новые перспективы.

## КОНЦЕПЦИЯ КОГНИТИВНОЙ ИСТОРИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ

Вполне очевидно, что при выходе из ситуации постмодерна на рубеже ХХ–ХХI веков концепция истории как строгой науки в контексте неоклассической модели науки не может не быть востребованной (см. [4: 250 и след.]). Но, как уже было отмечено в самом начале, неоклассическая по своей сути концепция когнитивной истории очевидно недовостребована. Что же препятствует широкомасштабной рецепции концепции когнитивной истории в актуальном историческом познании, а также переводу ее на уровень метода и исследовательского инструментария?

Возьму на себя смелость эксплицировать несколько факторов, как относящихся к специфике актуальной исторической культуры, так и имманентных самой концепции когнитивной истории. Уже во Введении к «Теории и методологии когнитивной истории» автор определяет позицию концепции когнитивной истории в актуальной исторической культуре:

«Профессиональное сообщество историков находится в ситуации смены парадигм <...> По отношению к философии исторического познания следует говорить не столько о смене, сколько о сосуществовании и противоборстве двух взаимоисключающих парадигм. Одна из них, неотделимая от массового повседневного исторического сознания, опирается на многовековую традицию и в новейшее время идентифицирует себя с философией уникальности и идиографичности исторического знания <...> Другая парадигма истории как строгой науки, стремящаяся выработать совместно с науками о природе

и науками о жизни общие критерии системности, точности и доказательности нового знания, не общепризнана и представлена исключением» [8: 15–16].

И здесь практически невозможно оспорить позицию автора, но я все-таки предложила бы одно уточнение: соглашаясь с «сосуществованием», не стала бы говорить о «противоборстве». К концу 2000-х годов становится все более очевидным, что выход из ситуации постмодерна, маркерами которой являются кризис доверия к метанarrативу (по утверждению Ж. Ф. Лиотара<sup>8</sup>) и своего рода мода на микроисторию, обусловил процесс ренарративизации и борьбы / войны нарративов (см., например: [6: 170–253]). К 2020-м годам стало еще более ясно, что ренарративизация – ведущий тренд актуальной исторической культуры. Если так, то есть ли смысл ему «противоборствовать»? Возможно, стоит попытаться самоопределиться по отношению к нему. При этом необходимо учитывать, что на рубеже ХХ–ХХI веков, как раз при выходе из ситуации постмодерна, происходит фактически разрыв социально ориентированного историописания, представленного по преимуществу нарративами разных уровней, и истории как строгой науки<sup>9</sup>. Каждый из типов исторического знания занимает свою собственную социокультурную нишу. Фактически мы имеем дело с параллельным существованием постнеклассической модели науки, занимающейся «социальным конструированием реальности»<sup>10</sup>, и неоклассической модели, стремящейся к строгой научности. И в этих условиях одна из существенных задач истории как строгой науки – проводить деконструкцию нарративов в предметном поле источниковедения историографии / изучать их с «позиции вненаходимости», а не вступать с ними в полемику / «противоборство».

В характеристиках самой концепции я бы выделила два аспекта: один, относящийся к определению исторического источника, второй – к классификации исторических источников, то есть фактически к определению внутренней структуры *макрообъекта исторической науки* – «эмпирической реальности исторического мира».

О. М. Медушевская акцентирует внимание на эмпирическом характере макрообъекта исторической науки, меньше внимания уделяя его феноменологической составляющей:

«Главное, что важно здесь, это вещественность, эмпирическая данность объекта, существующего стабильно, независимо от исследователя, как вещь сама по себе. Следовательно, именно эмпирически данные объекты и составляют общую совокупность, которую изучает историческая наука» [8: 246].

И далее:

«Макрообъект когнитивной истории реально существует, имеет свою эмпирическую основу. Ее составляет универсум интеллектуального продукта, представляющего собой воплощенный в материальный объект набор идей» [8: 284].

Эмпирический характер макрообъекта, конечно же, неоспорим. Но есть существенный нюанс. А. С. Лаппо-Данилевский, а именно от его концепции источниковедения отталкивается О. М. Медушевская, действительно определял исторический источник как «реализованный (то есть объективированный / овеществленный. — M. P.) продукт человеческой психики...» [3, т. 2: 38], но далее он пишет:

«Всякий, кто утверждает, что исторический источник есть продукт человеческой психики, должен признать, что исторический источник в известной мере есть уже его построение. В самом деле, то психическое значение, которое историк приписывает материальному образу интересующего его источника, в сущности не дано ему непосредственно, т. е. недоступно его непосредственному чувственному восприятию; он построяет психическое значение материального образа источника, заключая о нем по данным своего опыта...» [3, т. 2: 38].

Таким образом, и в этом случае мы имеем дело со своего рода «социальным конструированием реальности». Учет этого обстоятельства, на мой взгляд, может способствовать эффективности противостояния (именно противостояния, то есть стояния на своей позиции, а не противоборства) истории как строгой науки постнеклассическим концепциям исторического познания.

О. М. Медушевская провела глубокий анализ имманентной структуры макрообъекта исторического познания:

«Совокупность <...> объектов на данном эмпирическом уровне может быть определенным способом структурирована <...> Исследователь, проведший такую работу <...> в результате уже имеет дело не с “хаосом” исторических остатков, но с определенными по месту и времени своего создания культурными объектами. Следовательно, время, которое эти продукты фиксируют, оказывается отнюдь не прошлым, а непосредственно наблюдаемым. Более того, за каждым интеллектуальным продуктом <...> стоит определенная цель – человеческий замысел, реализованный и состоявшийся» [8: 248].

И далее О. М. Медушевская утверждает имманентность структурированности самому макрообъекту исторической науки:

«В качестве общего положения можно говорить о том, что совокупный интеллектуальный продукт, созданный в ходе исторического процесса, не представляет собой неструктурированной массы, но, напротив, обладает имманентным свойством структурированности и взаимосвязанности. Интеллектуальные продукты, создаваемые людьми, структурированы в соответствии с теми функциями, для которых они предназначены» [8: 258].

Таким образом, в качестве основы структурирования макрообъекта исторической науки О. М. Медушевская выделяет целеполагание создателя интеллектуального продукта и социальную функцию создаваемой вещи. И здесь невозможно не согласиться с тем, что автор структурирует объект по его фундаментальным характеристикам. Но для специалиста, знакомого с теорией источниковедения, заметно, что проведенный анализ применим скорее к видовой структуре корпуса исторических источников, их типология остается несколько в тени, тогда как очевидно, что исторический тип культуры (социальной памяти) тесно связан в первую очередь с письменными источниками, но визуальный, а затем и вещный (вещественный) повороты также требуют осмыслиения в контексте анализа структуры макрообъекта исторической науки.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Еще раз подчеркну, что высказанные соображения не носят характер критики концепции когнитивной истории: автор концепции, естественно, имела право акцентировать внимание на тех аспектах, на которых считала нужным сосредоточиться, и нельзя не признать, что это действительно принципиально важные аспекты, особенно в противостоянии «культу текста» и «смерти автора» в ситуации постмодерна. Но развитие отмеченных выше аспектов, на мой взгляд, создает дополнительные перспективы истории как строгой науки.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Первое издание: Источниковедение: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добропольский, Р. Б. Казаков, С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева, О. И. Хоруженко, Е. Н. Швейковская; Отв. ред. М. Ф. Румянцева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с.

<sup>2</sup> Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006. § 114, п. 1.

<sup>3</sup> Подробнее см.: Казаков Р. Б., Румянцева М. Ф. Научное наследие Ольги Михайловны Медушевской // Медушевская О. М. Теория исторического познания: Избр. произведения / Сост. И. Л. Беленький; Науч. ред. И. И. Ремезова. СПб.: Университетская книга, 2010. С. 534–564.

<sup>4</sup> Медушевская О. М. Воспоминания как источник по истории первой русской революции 1905–1907 гг.: Пособие по источниковедению истории СССР: [Лекция]. М., 1959. 43 с.

- <sup>5</sup> Медушевская О. М. Документы профессиональных союзов как источники по истории советского общества: Пособие по источниковедению истории СССР советского периода. М., 1962. Ч. 1: 1917–1920 гг. 52 с.
- <sup>6</sup> Учебное пособие переиздавалось в 2000 и 2004 годах.
- <sup>7</sup> Дефиниции понятий «дисциплина исторической науки», «научное направление» см.: Теория и методология исторической науки: Терминол. словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аквилон, 2016. С. 93–94, 311–312.
- <sup>8</sup> Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1998. С. 10.
- <sup>9</sup> Подробнее см.: Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013. 252 с.
- <sup>10</sup> Понятие разработано в знаковой для постнеклассической науки книге 1966 года: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источниковедение: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков [и др.]; Отв. ред. М. Ф. Румянцева. 2-е изд., испр. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 685 с.
2. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие для гуманитарных специальностей / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1998. 702 с.
3. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: [В 2 т.]. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Т. 1–2.
4. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. 339 с.
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. С. 517–642.
6. Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон<sup>+</sup>: РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
7. Медушевская О. М. Методология истории как строгой науки // Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: [В 2 т.]. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Т. 1. С. 23–84.
8. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. 358 с.
9. Медушевская О. М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: В 2 ч. М.: РГГУ, 2008. С. 24–34.
10. Медушевский А. Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 4. С. 3–22.
11. Медушевский А. Н. Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 70–92.
12. Медушевский А. Н. Российская социологическая мысль: ключевые концепции в свете когнитивной теории // Мир России. 2015. № 3. С. 108–132.
13. Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: Сборник / Сост.: Р. Б. Казаков, М. Ф. Румянцева; Отв. ред. В. А. Муравьев. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 227 с.
14. Сабеникова И. В. Научная школа Ольги Михайловны Медушевской: момент истины в российском гуманитарном познании // Вестник архивиста. 2022. № 2. С. 584–596. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-2-584-596
15. Сабеникова И. В. Теория когнитивной истории О. М. Медушевской: точное гуманитарное знание и профессиональный выбор научного сообщества // Вестник РУДН. Серия: История России. 2015. № 2. С. 17–27.
16. Фромм Э. Концепция человека у К. Маркса // Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 375–414.
17. Юдин К. А. Когнитивная история и применение информационно-когнитивного подхода к истории сталинизма в новейшей историографии // На пути к гражданскому обществу: Научный журнал. 2015. № 3 (19). С. 82–92.

Поступила в редакцию 09.02.2022; принята к публикации 30.06.2022

Original article

Marina F. Rumyantseva, Cand. Sc. (History), Associate Professor, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation)  
ORCID 0000-0003-2448-3417; [m\\_rumyantseva@hse.ru](mailto:m_rumyantseva@hse.ru)

#### OLGA MIKHAILOVNA MEDUSHEVSKAYA'S CONCEPT OF COGNITIVE HISTORY: RESULTS / PROSPECTS

**Abstract.** The concept of cognitive history offered by O. M. Medushevskaya (1922–2007) is analyzed in the context of the historical culture of the 2010s and the 2020s. The relevance of the work is due to the need to establish the

concept of history as a rigorous science in the context of renarrativization, a trend of modern historical culture accompanied by a deepening gap between historical science and socially oriented historiography. The novelty of the work lies in the consideration of the neoclassical model of historical science at the junction of two historical cultures amid the drastic shift of historical culture from postmodern to post-postmodern. The problem of the study is to determine the place of the concept of cognitive history in the context of modern historical culture. The aim of the study is to explicate the factors determining the insufficient demand for the concept of cognitive history despite the undoubtedly relevance of the neoclassical model of historical cognition in the context of overcoming the postmodern paradigm. The objectives of the work are to consider the concept of cognitive history from two perspectives: as the completion of more than a century-old tradition of the development of the phenomenological structural concept of source studies dating back to the Russian version of neo-Kantianism (A. S. Lappo-Danilevsky), and from the point of view of its future prospects for the social knowledge of the XXI century. Special attention is paid to the immanent properties of such a basic concept of cognitive history as the “empirical reality of the historical world”, which completes the transformation of the object of source studies from a historical source through a system of types of historical sources to the macro object of historical cognition establishing the empirical basis of history as a rigorous science. The research uses the methodology of cognitive history based on the phenomenological concept of source studies of the historiography and the concept of “historical culture” formed in the problem field of intellectual history. The research resulted in revealing the factors preventing the spread of the theory pertaining to the field of historical culture and immanent to the concept itself. The paper offers the directions for the further development of the concept – namely, adjusting the configuration of its conjugacy with the actual historical culture, the basic factor of which is the process of renarrativization. The focus is on the phenomenological component of the concept of the “empirical reality of the historical world” and on its immanent structure, interpreted by source studies as the problem of classification of historical sources.

**Key words:** cognitive history, empirical reality of the historical world, macro object of historical science, neoclassical model of science, phenomenological concept of source studies, historical culture, O. M. Medushevskaya

**For citation:** Rumyantseva, M. F. Olga Mikhailovna Medushevskaya's concept of cognitive history: results / prospects. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(6):60–66. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.808

#### REFERENCES

1. Source studies: study guide. Danilevsky, I. N., Dobrovolsky, D. A., Kazakov, R. B. et al. (M. F. Rumyantseva, Ed.). Moscow, 2019. 685 p. (In Russ.)
2. Source studies: Theory. History. Method. Sources of Russian History: study guide for humanitarian majors. Danilevsky, I. N., Kabanov, V. V., Medushevskaya, O. M., Rumyantseva, M. F. Moscow, 1998. 702 p. (In Russ.)
3. Lappo-Danilevsky, A. S. Methodology of history: [In 2 vols.]. Moscow, 2010. Vol. 1–2. (In Russ.)
4. Lubsky, A. V. Alternative models of historical research. Moscow, 2005. 339 p. (In Russ.)
5. Marx, K. Economic and philosophic manuscripts of 1844. Marx, K., Engels, F *Selected early works*. Moscow, 1956. P. 517–642. (In Russ.)
6. Megill, A. Historical epistemology. Moscow, 2007. 480 p. (In Russ.)
7. Medushevskaya, O. M. Methodology of history as a rigorous science. *Lappo-Danilevsky, A. S. Methodology of history: [In 2 vols.]*. Moscow, 2010. Vol. 1. P. 23–84. (In Russ.)
8. Medushevskaya, O. M. Theory and methodology of cognitive history. Moscow, 2008. 358 p. (In Russ.)
9. Medushevskaya, O. M. Empirical reality of the historical world. *Auxiliary historical disciplines – source studies – methodology of history in the system of humanitarian knowledge: Proceedings of the XX international research conference. Moscow, January 31 – February 2, 2008: in 2 parts*. Moscow, 2008. P. 24–34. (In Russ.)
10. Medushevsky, A. N. Cognitive information theory in modern humanitarian cognition. *Russian History*. 2009;4:3–22. (In Russ.)
11. Medushevsky, A. N. Cognitive information theory as a new philosophical paradigm of humanitarian cognition. *Voprosy filosofii*. 2009;10:70–92. (In Russ.)
12. Medushevsky, A. N. Russian sociological thought: key concepts in light of cognitive theory. *Universe of Russia*. 2015;3:108–132. (In Russ.)
13. Scientific and pedagogical school of source studies of the Historical and Archival Institute: collection of works. (R. B. Kazakov, M. F. Rumyantseva, Comp., V. A. Muravyov, Ed.). Moscow, 2001. 227 p. (In Russ.)
14. Sabenikova, I. V. Research school of Olga Mikhailovna Medushevskaya: the moment of truth in the Russian humanitarian knowledge. *Herald of an Archivist*. 2022;2:584–596. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-2-584-596 (In Russ.)
15. Sabenikova, I. V. Theory of O. M. Medushevskaya's cognitive history: precise knowledge in humanities and professional choice of academic community. *RUDN Journal of Russian History*. 2015;2:17–27. (In Russ.)
16. Fromm, E. Marx's concept of man. *Fromm, E. The soul of man*. Moscow, 1992. P. 375–414. (In Russ.)
17. Yudin, K. A. Cognitive history and the application of the information and cognitive approach to the history of Stalinism in modern historiography. *Towards a Civil Society: Academic Journal*. 2015;3:82–92. (In Russ.)

Received: 9 February 2022; accepted: 30 June, 2022